
РОМАН, ПОВЕСТЬ

Ольга Пономарева-Шаховская
(г. Москва)

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО
Повесть

Москвичка, окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишу с 1998 г. Публиковалась в альманахах: «Истоки», «Озарение», «Стихосвет», «Протуберанцы», «Белая Скрижаль», «Московский Парнас». Автор 4-х книг: «Образ мысли — стихи» — 2000 г., «Мозаика» — 2002 г., «Ходики» — 2004 г., «Стихия» — 2008 г. Подборка стихов вошла в Антологию Современной поэзии «Созвучья слов живых», т. 6, изд. «Московский Парнас», 2011 г. Член Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей России.

*«Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может»*

(Д. Самойлов «Память»)

Память — это наше теплое лоскутное одеяло, в которое мы охотно заворачиваемся, обнимая руками уголок, в особенно промозглые, насквозь пропитанные одиночеством, дни. Она оберегает нас, сохраняя много хорошего, со временем притупляя боль, принесенную жизненными ситуациями.

Наша память цепко держит запахи детства: бабушкиных плюшек, парного молока, новогодней елки, наряженной мандаринами, конфетами, игрушками; подъезда с кучей песка и разбросанного на улице карбида, подмосковных яблок и ворованной с поля кукурузы, цветущей медуницы и совершенно особого запаха кувшинок; реки, покрытой у берегов ажурной тиной...

Мы любовно разглаживаем солнечно-желтые, небесно-голубые, беззащитно-розовые квадратики своего одеяла, они дают нам силу: не потерять веру, обрести надежду, сохранить любовь.

Лоскутное одеяло — память не зря подарена человеческому сердцу, она не позволяет ему озлобиться, зачерстветь, помогает нам оставаться людьми.

ОБИДА

Решительно никто не верил Саньке, когда он в мельчайших подробностях рассказывал о том, что помнит роддом. Взрослые считали это плодом детской фантазии.

Малыш еще не знал, как называлось то место, куда его положили, но ему было там тепло, уютно и сухо. Подрастая, он вспоминал, что лежал в огромной светлой комнате, где стояли кровати. Метрах в шести наискосок от него находился стол, на котором — лампа старого образца, похожая на большой гриб с белой шляпой. За столом сидела немолодая женщина в белом халате. Она читала книгу. Каждую ночь ребенка что-то беспокоило, и, просыпаясь, он начинал плакать. Женщина поднималась, ласково успокаивала крикуна, чтобы остальные детишки не последовали его примеру, а потом наклонялась к младенцу. Если представить себе Доброту, то, по мнению мальчика, она должна иметь лицо той детской сестры. Получив бутылочку с чем-то очень вкусным, дитя начинало сосать и засыпало.

Но вскоре обстановка поменялась. Саньку привезли домой. Первый день прошел незаметно, а ночью, проснувшийся по обыкновению, мальчик заплакал. Не было ни мягкого света лампы, ни доброй женщины. Вместо этого над ним склонились домочадцы. Потом он почувствовал, что это были мать, отец и бабушка, которые наперебой успокаивали его. Но Санька хотел есть!!! Тогда мать принесла ему теплой подслащенной воды. Ребенок попробовал, скривил губки, и, разворачивая свои крохотные легкие, заорал от обиды со всей силы, на которую был способен. Мальчик понял, что его обманули.

Боль от давней обиды осталась в его сердце до сих пор. Вероятно потому, что это произошло дома, где окружали его близкие люди, от которых он ожидал иного...

ПИВНОЙ ПРИБОР

Около года от роду, из коляски Санька переехал в комфортабельную немецкую кровать, сделанную из светлого дерева. Четыре ножки ее оканчивались большими колесами. В восемнадцатиметровой комнате, разделяя детскую и взрослую половины, стоял платяной шкаф, а напротив него — резной буфет. На буфете перед зеркальцем красовалась кипельно белая, вышитая «ришелье», салфетка, посередине которой покоился поднос. На нем возвышался пивной прибор матового белого стекла с нежными розовыми цветочками. Шесть небольших, граммов по сто пятьдесят, стаканчиков обступали славенький складенький кувшинчик литра на полтора. Ни по немецким, ни по русским меркам до пивного он габаритами не дотягивал. Этот прибор больше подходил для сока. Однако, оживляя интерьер, обращал на себя внимание гостей и домочадцев.

Когда сыну исполнилось три месяца, мать вышла на работу и долго мучалась от избытка молока. Саньку оставили на попечение еще не старой бабушки. Мальчик росмышленным, любознательным и шустрым. Стоять он начал рано, упираясь ручонками в верхнее ограждение кровати.

Однажды бабушка вышла на кухню поставить чайник, да и заговорила с соседкой. Внук в это время дня бодрствовал, но ему было скучно. Погремушки не радовали, писклявая резиновая птичка с дырочкой в боку, изрядно покусанная режущимися зубками, надоела. Зайчик случайно выпал из кровати, а дотянуться до него малыш не мог. Тогда Санька, упершись ручками в платяной шкаф, оттолкнулся от него. Колеса кровати медленно покатали к буфету. Инстинктивно ухватившись за буфет, снова оттолкнулся и поехал обратно. Его очень веселило перемещение в пространстве и то, что он самостоятельно сделал это открытие. Но в какой-то момент ручка ребенка сорвалась и ухватилась за салфетку. Пивной прибор поехал следом за кроватью. У края

буфета предметы начали падать, со звоном разбиваясь об пол. Санька испугался шума, расстроился и заплакал.

Прибежала из кухни взволнованная бабушка. Перво-наперво, она успокоила мальчика, прижав его к теплой мягкой груди, погладила по головке и заворковала: «Котя, серенький коток. Котя, беленький хвосток...» Потом она внимательно осмотрела младенца и его кроватку: нет ли стекол. И убедившись, что все в порядке, принялась за уборку. Чудом уцелели два стаканчика, видимо на память.

ИГРУШКА

Пока родители работали, Саньку воспитывали дед и бабушка. Бабушка — генерал по кухонной части, а дед ходил в магазин и занимался развитием ребенка: часто гулял с ним по Кремлю, водил в музеи, играл.

У мальчика было много игрушек. Став старше, он пришел к выводу, что раньше их делали лучше. Вот взять, к примеру, паровую машину. Закрытая деревянной крышкой, она выглядела как маленькая швейная машинка. В специальный резервуар из меди наливалась вода. Обыкновенной свечкой разогревался котел. Пар толкал поршни, они крутили вал, тот, в свою очередь, вращал генератор, и ток зажигал лампочку, такую, какую вворачивают в карманный фонарик. Саньке нравилась эта маленькая модель — копия взрослой настоящей жизни. Но дед посчитал, что мальчик еще не дорос до такой игрушки, и не купил, да и дорога она была для семьи.

А модель белого многопалубного корабля с застывшими фигурками матросов на борту, с винтом, выкрашенным красной краской.

— Ну, где нам пускать его? У нас и ванны-то нет,— сказал дед в ответ на очередное «купи».

Настал вторник, и решительное настроение деда невозможно было ничем поколебать. Ребенок должен иметь игрушки, поэтому он, взяв Саньку за руку, повел мальчика в ГУМ.

— Смотри, Сань, а вот хороший гараж, с крышей, машинка в нем, и ворота открываются-закрываются по твоему желанию.

— Деда, а зачем гараж? — спросил озадаченно внук.

— Гараж железный. Машинка — ЗИМ — пластмассовая, как заряд в пневмопистолете, в пружину упирается. Дверцы закрыты. Нажимаем на кнопку сверху, срабатывает пружина, и распахиваются дверцы гаража, выезжает машина. К родителям поедешь, возьми игрушку с собой. Там кот, он подумает, что машинка — мышь, и станет за ней охотиться.

Всю неделю Санька мечтал, что Пушок будет охотиться на машину. Едва открыв дверь квартиры, не сняв пальто и ботинки, мальчик прокричал:

— Мам, Пушок дома?

— Дома, дома,— ответила мать из кухни.

Пушок был домашним котом, но, живя на первом этаже старого деревянного дома, частенько, особенно весной, пропадал надолго во дворе. Возвращался он, похожий на раненого солдата, то хромяя, то с надорванным ухом или поцарапанным носом. По округе бегало его многочисленное белошерстое потомство.

Когда Пушка котенком принесли от знакомой генеральши, в коммунальной квартире собрался совет для решения участи животного. Но мужчины не дали кота в обиду. Очевидно, этим и определялся в последствии его независимый характер.

Пуся сидел со смурной мордочкой, ему хотелось спать.

Опять приехал этот, «мелкий», от которого пахнет молоком, из-за него меня выгнали на кухню. Испугались, что я сделаю ему больно. Да я сроду малышей не обижал. Теперь приходится ютиться на жесткой деревянной лавке или на полке над дверным проемом, наверно, думал кот.

Саньку распирало от гордости. Вот сейчас он надует глупого кота. Но Пушок проявил слабый интерес к гаражу. Выскочила машинка и проехала между кошачьими лапами. «У тебя все, или еще что-нибудь будет?» — выражал кошачий взгляд. Кот скосил голову на бок, чуть потянул носом воздух на себя, а вдруг все-таки мышь, но, поняв, что нет, отвернулся.

Мальчик побаивался огромного сердитого кота с острыми когтями, поэтому аккуратно, трясущимися от страха руками, вытащил из кошачьих лап машинку. При повторной попытке обмануть животное, кот, своим видом выражая безразличие, поднялся и, полный достоинства, слегка помахивая хвостом, отошел, а потом и вовсе выпрыгнул через форточку во двор.

Однажды отец купил Саньке конструктор, справедливо полагая, что ребенку надо развивать руки и мозги. Но прежде батюшке самому пришлось попробовать сделать это. Сколько он ни пытался, ни одна шина, ни на одно колесо не надевалась, и ни один винт гайкой не закручивался. Тут даже сильные руки отца не помогли.

Позже подключился дедушка, но даже общими усилиями конструктор собрать не удалось.

Мальчик заплакал от обиды. «Вань, ты бы написал письмо на завод. Дескать, ребенку расстройство от вашего конструктора, — вступилась за внука бабушка. — Отошли его обратно, и пусть они сами пробуют смастерить что-нибудь путное», — добавила она и протянула деду листок бумаги.

Дека Ваня, посурив лицом, сел за стол, водрузил на нос очки. Он обмакнул перо в чернильницу с самодельными, из свеклы, чернилами, чтобы буквы не расплывались на бумаге, и начал. «Я, Петров Иван Сергеевич, член партии с 1916 года, персональный пенсионер Союзного значения... В то время как вся Советская страна, воодушевленная решениями Партии и Правительства...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Через пару недель на имя деда пришла посылка, в ней лежали новенькие шины и винты с гайками, которые соответствовали норме.

ПУШОК

Мать принесла котенка за пазухой от знакомой генеральши, что жила в том же доме. В помете белой пушистой сибирской кошки было лишь два котика. Лена решила выбрать того, что посамостоятельнее.

Первую ночь малыш плакал по матери так сильно, что сердобольная свекровь попросила взять котенка в постель, чтобы тот согрелся и дал возможность поспать.

Всеобщего любимца назвали Пушком. Он рос смышленным и независимым.

Первый раз Пушка привезли на дачу в июне. Кот прошелся по комнатам, одобрил запахи, признав их родными. Поначалу выпускать на улицу кота не хотели, чтобы он с непривычки не сбежал и не одичал, но, влезши на диван, тот начал жалобно мяукать: «Люди вы или кто?! Пустите... и подышать свежим воздухом!»

В Москве Пушок привык гулять на улице через форточку на кухне, поэтому чувствовал себя взрослым и независимым котом и категорически отказался ходить в лоток.

Крава — Санькина няня — деревенская баба сказала: «А ничо! Никуда не денется! Есть захочет, придет!» — и выпустила. Кот пропал.

Мать с отцом работали. В выходной Крава получила нагоняй. «Я же говорила...» — сетовала рассерженно Санькина мать. Сначала она долго и безуспешно ходила по территории садов и кричала (признавал Пушок только ее, как мать кормящую): «Пушенька!» «Пушочек!» Но вдруг услышала из-под строящегося соседского дома сильный басовитый отклик: «Мяу!» Лена стала звать кота и попыталась поймать, к ней на помощь пришел хозяин участка Иван, отец Пети и Коли, будущих Сашиных

друзей. Иван изловчился и схватил кота за задние лапы, вытащил бродягу на свет, взял его на руки, но тот не понял, что с ним происходит, и со всей силы брыкнул задней лапой, сильно поранив своего спасителя.

Попав в дом, от страха Пушок забился под тахту, в дальний угол. Елена долго старалась вынуть добровольного затворника, но тот только злобно шипел. Она с угрозами аккуратно достала из укрытия и скормила бедолаге по кусочкам целую сардельку.

Рана Ивана зажила, Пушок освоился на даче, и лето прошло без приключений.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Трехлетний Санька, стриженный под ноль, слонялся по дому, не зная чем заняться. За окном цвела весна: лужами, капелью, солнцем, прилетающими из дальних краев птицами, белыми пушистыми облаками. Мальчик мысленно уже собирался на дачу. Он помнил как ехал туда в прошлом году на руках у матери в кабине полторки через рощу, и березки разбегались влево, вправо, влево, вправо... А шофер, в выцветшей гимнастерке, наверно, сохранившейся с фронтовых времен, кричал матери: «Мамаша, держи ребенка!»

Санька зашел к соседке посмотреть, чем занят ее сын — Вовка.

В простенке между двумя окнами стояло высокое зеркало. Санька оглядел себя со всех сторон и остался доволен. Потом он высунул язык Вовкиному отражению. Вовка учил стих, который ему задали в школе. Учил и не мог ничего запомнить, словно валял большой ком теста, не в состоянии вымесить его. В ответ Саньке Вовка скорчил рожицу, оттопырив уши в разные стороны. Мать цыкнула на него, мол, учи, а то завтра опять двойку получишь. «А ты, Ляксандр, ежели будешь смирно сидеть, оставайся, а паясничать в коридор ступай или к себе»,— сказала Шура сердито.

Вовка учился плохо: мог на неделе принести шесть двоек по разным предметам, по штуке за день.

Однажды в доме появился вислоухий выбракованный щенок овчарки. Мать разрешила оставить собаку до трех двоек. Вовка мужественно продержался две недели. Потом пса пристроили в надежные руки.

Саша скромно сел на маленький стульчик у печки и притих.

— «Мы видим город Петроград в семнадцатом году...»,— безуспешно учил Вовка.

— «...сейчас он вступит в бой...»,— Вовка тупо замолчал, и в наступившей тишине стало слышно, как ходят часы на буфете, а на улице ребята играют в «штандр»^{*}.

Мальчик мучительно выуживал из памяти нужные слова, но они не приходили, тогда помог Санька:

— «Висит плакат: Долой гошпот, помещиков долой!» — продекламировал он, не понимая ни единого слова.

— Ты подсказываешь,— раздраженно вымолвила Шура,— он так никогда не выучит.

Посидев с полчаса, Санька заскучал и ушел обедать. После обеда мать уложила его спать. И тут мальчика понесло. Гуляя ногами под одеялом, он начал тихо шепеляво декламировать стих, что учил Вовка. Мать прислушалась и поняла, сын не спит, хотя давно должен был. Она попыталась разобрать слова: «Мы видим голод Петлоглад в семнадцатом году...» Мать попросила сына читать громче, и ребенок с удовольствием исполнил ее просьбу, прочитав все стихотворение от начала до конца.

Потом, учась в школе, Саша никогда не испытывал проблем с памятью. Ему не

^{*} Игра в мяч.

составляло труда выучить любое стихотворение, и, к удивлению многих, он знал наизусть почти всего «Евгения Онегина».

ПОДРУЖКА ДЕТСТВА

Там, в доме на Мытной, у Саньки была закадычная подружка, Ленка. С ней было хорошо забивать гвозди в толстые пробки, зимой кататься с горки, весной разбрасывать тающий снег сугробов, прыгать через лужи, собирать в спичечный коробок майских жуков, летом играть в «салки» или «казаки разбойники», осенью весело скучать у окна под монотонный стук дождя.

Лена часто выходила гулять с огромным куском белого хлеба от батона за 28 копеек, намазанным сливочным маслом, а сверху щедро присыпанным сахарным песком. Понятливая и нежная девочка всегда отламывала ему полкуска, а потом мать звала его обедать.

— И почему ты, мамочка, никогда не покупаешь такого большого хлеба? И не даешь мне на улицу бутерброд, как Ленке?— обиженно выговаривал Саша матери.— Так вкусно есть на свежем воздухе! — продолжал он.— Когда она выходит на улицу с хлебом, у меня слюнки текут.

— Начнем с того, что этот хлеб выпекают из муки худшего качества, он не белый, а серый, и, потом, нечего хватать куски на улице и перебивать аппетит. Обедать, так обедать! Саша, запомни раз и навсегда есть надо дома, первое, второе и третье, сидеть за столом с чистыми руками, не ставя на стол локти, не болтая ногами. Да, разговаривать за столом нельзя, можешь подавиться. Память тренируй, успеешь сказать после еды. «Когда я ем, я глух и нем».

Весной Санька заразился от Ленки коклюшем. Откуда было знать ее матери, полуграмотной бабе, работающей дворничихой, что девчонка уже неделю больна. «Ну, подкашливает она, просквозило, видать, где-то, али ноги по весне промочила». Мать сроду не следила за девочкой, хотя та была единственным ребенком в неполной семье.

Сашиней матери пришлось уволиться с работы, и Санька целое лето прожил на даче. По утрам, когда ребенок закашливался до рвоты, мать ходила с ним гулять к речке Цыганке, где влажный воздух благотворно действовал на мальчика.

Ах, Ленка, Ленка, боевая подруга детства. Где ты? Как сложилась твоя судьба?

Санька переехал с Мытной улицы на Ленинский проспект, когда «дедам» дали новую квартиру, точнее даже не квартиру, а отдельную комнату в коммуналке на две семьи.

ГОРКА

Сашин отец работал главным технологом на большом станкостроительном заводе. Однажды, идя с елки по территории завода, мальчик впервые увидел тельфер. Отец поднял Сашу, и ребенку разрешили нажать на кнопку. Пареньку было тогда года три-четыре. И он даже не мог самостоятельно сесть на откидной стул в зрительном зале, куда его привели родители на новогоднее представление. Взрослых в зал не пускали.

Тугая кнопка устройства не поддавалась слабым детским ручонкам, и мальчик не включил тельфер. Тогда отец нажал на палец ребенка. Сделалось больно до слез, но Санька — мужчина — терпел. Участие в общем труде привело его в неопишуемый восторг.

— Сынок, что же тебе больше всего понравилось на елке?— спросила мать Саньку, ожидая услышать обычное: дед Мороз или Снегурочка, когда тот разделся и положил подарок.

— Тельфер,— гордо заявил сын.— Мам, я кнопку нажимал, и он двигался по рельсе. А еще козловый кран.

— А дед Мороз? — спросила растерянно мать.

— И вовсе никакой дед Мороз подарков не дарил, и вовсе мы подарки купили у тети в буфете за деньги.

Зимой Саша гулял даже в самую морозную погоду. Няня Крава или мать густо намазывали его лицо гусиным жиром, надевали теплый коричневый комбинезон, кофту, черные валенки с галошами, двойные варежки, а под меховую шапку, по-бабьи,— платок, который он ненавидел, и шубу. Та шубейка с обеих сторон груди была слегка лысовата. Гуляя с соседской Ленкой, они по очереди выдергивали из нее мех, и пускали его на волю со словами: «Пу-у-ух!»

В Санькином детстве зимы стояли отчего-то суровее, чем сейчас. В то время в Москве еще существовало печное отопление. Дымы торчали бодро, словно кошачьи хвосты, а небо было пронзительно голубого цвета. В Сашином доме начинали топить первыми.

Бревна для печи привозили на большой машине распиленные, но не поколотые. Их сваливали недалеко от сарая, которым владели две семьи. Там хранилась дрова, заквашенная на зиму капуста в деревянной бочке, старые газеты и книги. Поскольку холодильника в семье не было, под Новый год, в духовку от плиты, стоявшей там же, запирали от мышей и крыс мороженого гуся.

После работы Санькин отец шел колоть дрова. Мальчик «хвостиком» — за ним. Санька брал бревно и съезжал на нем до сарая с горки, которую отец делал каждую зиму для детворы. Потом, когда отец разрубал бревна пополам, мальчик катался на половинках, а дальше — на четверти от целого полена. Поколотые поленья отец сам складывал в сарай. Труженики возвращались домой усталые и немногословные.

Во всех дворах округи имелись деревянные сооружения, из которых зимой делали горки. В Сашином дворе — не было. Но отец считал, что детям необходима горка. Приходя после работы, наскоро переодевшись и поев, отец брал лопату и шел во двор. Он насыпал горку клинообразной формы из снега выше своего роста. Сбоку прорубал ступени. Потом, когда работа лопаты кончалась, отец таскал с водяной колонки, с улицы во двор, ведрами воду, по двадцать — двадцать пять ведер, и поливал гору. Ночью, как правило, ударял мороз, и снег застывал.

Еще отец строил ребятам круговую крепость, где велись снежные баталии.

На втором этаже Сашкиного дома жила женщина, прозванная детьми Бабой-Ягой за удивительное сходство с этим сказочным персонажем. Стервозность характера со временем отразилась на ее лице и худосочной фигуре.

Бывало, настирает она кучу белья, повесит через весь двор и поставит кол под веревку с бельем на самый съезд с горы. А что детям невозможно кататься, ее не касалось.

Однажды кол-подпорку случайно сбили, и белье полетело на землю. Яга в отместку посыпала горку песком с солью и снова повесила белье. Обиженный Санька поведал отцу о беде.

«Пошли во двор»,— сказал тот и надел свое единственное коричневое пальто, в котором «и в пир, и в мир, и в добры люди».

Новая горка удалась на славу. Он насыпал ее в два раза выше прежней, и залил водой.

На следующий день Санька взбирался до нужного уровня в три присеста, ребята постарше — в два, так как отец не успел прорубить ступени. Ребята радовались и хвалили его работу. Катались на санках, на ногах, зарабатывая синяки и шишки, на досках, просто на попках и на тарантасе — Вовкино сооружение. Выгнутая петлеобразно водопроводная труба с полозьями, где умещалось стоя два-три человека за раз.

Горка долго радовала ребят в тот год, чуть ли не до первой травки.

ВРАЧ

Санькины родители были убеждены, что у мальчика большое горло. Если что-то не устраивало ребенка, то он, оттопыривая нижнюю губу «сковородником», долго орал.

Санька — мальчонка с большими серо-голубыми широко поставленными глазами, длинными, пушистыми, загнутыми ресницами, розовыми яблоками щек — был белобрыс. Летом его ежик выгорал до цвета свиной щетинки. Ровные длинные пальцы, казалось, ожидало блестящее музыкальное будущее. Чуткая, ранимая Санькина душа заставляла его страдать по любому поводу.

Тетушка часто говорила: «Тебе бы, Санька, девкой родиться! Видно Бог в последний момент передумал!»

Врач детской поликлиники сказала, что ребенку необходима операция. Какая операция, он ведь еще кроха?! Мать не на шутку встревожилась и повела мальчика во взрослую платную поликлинику к профессору Викентию Остаповичу. Женщина умоляла его, Христа ради, просто осмотреть Саньку без оформления документов, и врач согласился.

Открылась дверь. Паренек с опаской вошел в кабинет, половину которого занимала фигура эскулапа в белом халате. Поздоровался, дрожащим от страха, голосом. Но вдруг, увидев ворот вышитой крестиком рубашки, успокоился.

По воскресеньям, приходя с гулянья, он часто заставлял матушку за вышиванием. Ей нравилось это занятие, оно успокаивало, чуть «приворачивая» ее темперамент и строгость. Мать, будто отмякала душой.

Викентий Остапович нагнулся к мальчику, поблескивая кругленькими очечками, нелепо примостившимися на его мясистом носу. В голове у паренька назойливо завертелась соседкина присказка: «Вот нос — Бог семерым нес, да одному ему досталось!»

Санька хмыкнул и уткнулся взглядом в стеклянный медицинский столик, где лежало докторское «богатство».

Викентий Остапович осмотрел мальчика, говоря обычное в таких случаях:

— Открой рот, скажи: а- а-а.

— Ну-с, молодой человек, а сколько у двух ослов ушей и хвостов?— вдруг спросил врач, раздвигая свои пухлые губы в радушной улыбке.

— Хвостов — два, а ушей — четыре,— бойко ответил малец, не выговаривая «р». Хотя, благодаря стараниям бабушки, в три года он уже умел считать.

— Молодец, боец! Все у тебя в порядке. Операция не нужна. Расти, тянись, и складочки разойдутся,— успокоил мать врач, обращаясь одновременно к обоим, а на прощанье подарил Саньке деревянную палочку.

Мальчик начал подтягивался на нижней ступеньке пожарной лестницы. Так делали многие ребята во дворе.

Потом, проходя много раз по участку, врач детской поликлиники хвалила Саньку за занятие гимнастикой, а матери говорила, что он хорошо подтягивается. Но дворник дядя Илья боялся: а ну как детвора доберется до крыши, и кто-нибудь разобьется. Поэтому он, время от времени, отпиливал нижнюю ступеньку, и вскоре лазать на лестницу ребята перестали. Они нашли себе другое занятие: чиркать об лестницу кусками арматуры до искр, отчего та сменила ржавчину на настоящий металлический блеск.

КУЛИЧ

Совершенно другим было тогда то место, куда привезли Саньку с улицы Разина от «дедов», где он жил с матерью. Этот дом 27 по Мытной улице раньше был школой, приспособленной потом под жилье. Без горячей воды, и без ванны. Хочешь

мыться, милости просим в баньку поблизости. А кому дюже приспичит, тот на газу воду греет и в туалете моется. Сейчас это место находится во дворе огромного кирпичного дома, конца пятидесятих годов.

Санькин дом торцом выходил на Мытную улицу. Внешняя сторона его через небольшой проезд соседствовала с уютным бульваром, в котором сначала делали круг трамваи, а потом — автобусы. Позднее, когда маршруты изменились, бульвар стал чистым, с клумбами, где по весне весело пушились розовые шары пионов, радуя глаз своим недолгим великолепием.

Подросшие деревья, не заслоненные от солнца громадами домов, высоко поднимая к небу ветки, пригоршнями листьев собирали солнечный свет, обливая себя им как из душа. Сверкала, подрагивая от легкого ветерка, листва, переполненная чувством молодости и счастья. На бульваре любили гулять мамы с колясками. Дальше находился Даниловский мосторг.

На первом этаже Сашкиного дома пахло сыростью. Печь топилась на две комнаты сначала углем. Потом, когда ее разделили, — дровами. По ночам в метровом простенке, разделявшем две комнаты, мыши водили хороводы. Сашин отец решил прекратить мышиные игры. И, когда стену сломали, то перед глазами удивленных домоладцев предстал результат мышиного труда — ворох крошек из газетной бумаги. Мусор убрали. Стенку подвинули, а в простенок засыпали шлак. Мыши ушли. Стало тише и теплее, к тому же комната сделалась шире. Матрена только что сделала ремонт, поэтому отказалась двигать стену со своей стороны, о чем долго сожалела.

Комната, где жил Сашка, имела три окна. Одно из них выходило в проход между домами, а два других — на бульвар. В бульварное окно, избегая досужих разговоров, Сашкины родители однажды втаскивали обмененную в Даниловском мосторге железную кровать (маленькие и не блестящие шишечки предыдущей — не радовали хозяйку).

Стены кухни пестрили телефонными номерами, правда, самого аппарата в квартире не было. В туалете имелись стихотворные рекомендации по соблюдению чистоты в местах общего пользования. Безобразие длилось недолго. ЖЭК прислал маляра, и настенная «живопись» прекратила свое существование, а квартира повеселела от желтой краски.

В квартире проживало три семьи. Матрена с тремя детьми и сестрой. Муж Матрены был метростроевцем. При возведении станции он упал с плохо закрепленной фермы и погиб. Она добилась отдельной квартиры. И в ее комнату въехали Мишины: Николай Васильевич, его супруга — Шура и сын-школьник лентяй Вовка.

Николай Васильевич — высокий, сухопарый мужчина, инвалид войны, был темноволос, носат с крупными чертами лица и суров на вид. Он работал в продовольственном магазине. Благодаря Мишину, соседи приобрели коробки для рубки капусты и бочки для ее квашения. Он жил со вкусом. Бывало, придет на обед домой да и поджарит себе пару кусочков свинины. Аромат на всю ивановскую! Говорили, дескать, брат его в чинах, высоко сидит. Только никто из соседей брата того не видел. Не знали они.

Жена Васильича — Шурочка — худая, русоволосая с косой, которую укладывала на голове сзади «корзиночкой», симпатичная, добрая, заводная, работала экспедитором по шерсти. Из своих поездок Шура привозила соленые частушки и перченые анекдоты, которыми могла часами в кухне «потчевать» пунцовых от стыда соседок.

За стенкой от Мишиных жил Санька со своими родителями, бабушкой Олей — Баболкой и любимой нянюшкой — Кравой. Няня души не чаяла в неглупом, голубоглазом, в меру озорном мальчике. Родного сына ей пришлось оставить в деревне на попечение своей матушки. Родители Сашки работали, а в детский сад места для ребенка им не дали, объясняя «высокой» зарплатой, а следовательно, возможностью нанять няню.

Прежде Крава была в домработницах у профессора. Тот поселил ее в темной комнате — библиотеке, без окон, душной от обилия книг. Девичья вольная душа изнывала и начинала чахнуть в этом «склепе науки».

Угловую комнату квартиры занимала тетя Соня — Софья Соломоновна — с сыном Семей. Тетя Соня — женщина лет сорока, черноволосая, небольшого роста, от нее постоянно исходила энергия доброты. Тетя Соня понимала детей, вникала в их проблемы. После очередной затяжной весенней прогулки кота она выводила из него блох, нося Пушка по коридору завернутого в тряпочку. Коту становилось легче, и его мыли в черном тазу Санькины родители.

Когда вода случайно попадала на мордашку животного, кот возмущенно мяукал басом. Вымытый, он залезал под газовую плиту, что стояла на высоких ножках, сушился и вылезал оттуда белым, пушистым с наэлектризованной шерстью и с большими «штанами» на задних лапах, вполне довольный собой. Цenia чистоту и комфорт, Пушок в течение двух-трех дней выходил на улицу только по делам и ненадолго. Обычно он сидел над дверным проемом в кухню, удовлетворенно помахивая хвостом.

На аскетичной кухне вплотную стояли три маленьких столика, по числу хозяек, умывальник, под которым пол безнадежно прогнил, газовая плита на четыре конфорки и деревянная лавка для стирки, ее иногда оккупировал кот.

В квартире между соседями был удивительный лад. Убирали, стирали, готовили по очереди. Если какая-либо из хозяек собиралась на Даниловский рынок за молоком или постным маслом, то брала не только свою тару, но и соседскую. Все принесенное молоко она сразу кипятила, чтобы не прокисло.

Санька частенько увязывался с тетей Соней или Кравой на рынок, предварительно дав обещание ничего не просить. Но особенный тамшний дух и атмосфера рынка так действовали на него, что он забывал о своем обещании и все-таки приносил домой вожделенного «петушка» или пачку сухого киселя.

— Я — медроботник, — говорила Саньке тетя Соня (она служила в аптеке провизором), — поэтому должна выбрать сама, чтобы «петушок» был хороший, — покупая ему сахарное удовольствие. Если же Сашина мать пыталась сделать ей выговор за это, Соломоновна убеждала ее, что ребенок должен попробовать все, и не годится ему уходить с базара разочарованным.

На масляной неделе Сашка обязательно проводил дегустацию блинов у каждой из соседок до коликов в животе.

В «чистый четверг» разговор в квартире с утра велся полупрошепотом, словно святое таинство улечитя, и куличи не получатся.

Хозяйки по очереди ставили тесто, доставали кастрюли, как матрешек — одну из другой, густо смазывали их постным маслом. Самый маленький кулич вместе с крашеными луковой шелухой яйцами Баболка несла святить в церковь. Женщина верующая, она соблюдала посты, приходила в церковь загодя. Бывало, расстелит на лавке свой солопчик и ждет начала праздничной службы. Несмотря на строгость, она была женщиной справедливой, доброй и жизнелюбивой.

Тетя Соня в тот день не работала. Ее куличи испеклись первыми. Дух в квартире стоял пьянящий миндально-ванильный.

Остывшие куличи она посыпала сахарной пудрой, и до воскресенья никто к ним не притрагивался, даже сына не баловала.

Шура Мишина уже успела «разговеться». К ней забежала подружка Раиска и принесла на пробу наливочки собственного приготовления. Напиток оказался всем хорош, только у Шурки быстро начали отказывать ноги и заплетаться язык. Раиску положили отдохнуть. А руки Шуры никак не могут с тестом совладать. Сашкина мать — Елена пришла на помощь. Вымесила она тесто, от рук отстает. Подошло оно раза два, как положено. Добавила в него изюма.

Шурка сидит и только смеется, аж до слез, и помочь ничем не может.

Выложила Лена тесто в кастрюлю на треть, орешками толчеными посыпала, яичком с молочком и сахаром будущую шапочку кисточкой смазала.

Пора печь. Но ведь у каждой хозяйки свой рецепт, свой вкус, своя мера. Может, где и подсыпано было мучки больше, чем надо... Тесто на доброту отзывчиво. Коли с хорошим настроением печь, то и куличи — на славу.

Подошло в духовке тесто выше обычного сантиметров на двадцать. Готов кулич-красавец, а вынуть нельзя: дверца духового шкафа маленькая, узенькая и горячая. Вся квартира принимала активное участие в процессе извлечения кулинарного шедевра из духовки.

— Ты ему «чепец-то» срежь, Шур! — советовал Николай. — Мы его потом снова нахлобучим.

— Жалко красоту таку! — лепетала хозяйка. — Не годится на Пасху бракованный кулич. Бога чтить надоть!

— Вот и чти, пока твой кулич в печи не сгорит, ожидая тебя. Как будешь вынимать? Поломаешь, как есть, поломаешь! Виду не будет. Вот баба непутевая. Все у ней не ко времени и не к месту! — осерчал Николай и вышел из кухни.

— Лен, помогай! Куличик-то пропадет! — Шура к Сашиной матери.

— Сейчас, тряпки возьму.

— Фу ты, действительно не идет. По диагонали вроде проходит.

— Попробуй наискось.

— Ой! Обожглась! — вскрикнула от боли Лена.

— В туалет иди. Говорят, от ожога моча хорошо помогает. Ее даже пьют, для внутренних органов польза, — посоветовала обеспокоенная Шурка.

— Шурочка, видно, вино таки на вас определенно плохо действует. Ерунду говорите! — возразила Софья Соломоновна.

— Во-первых, я не признаю доморощенных методов лечения, — безапелляционно заявила Лена, — во-вторых, я не акробат и, в-третьих, кулич твой, «лекарша», вызволять надо!

— Сейчас мазь принесу. Она таки обязательно должна помочь. Семочке на прошлой неделе помогла, — участливо произнесла Софья Соломоновна и удалилась плывущей походкой, покачивая крутыми бедрами.

— Еще, еще, сюдее, мам, — пытаюсь помочь, кричал Санька, выглядывая из-под материнской руки. — Ты его чуть на себя поверни. Гляди-ка, орешки сверху потемнели!

— Готово, — выдохнула облегченно мать.

Она аккуратно вынула кулич из кастрюли на доску, выбросила промасленный пергамент. Заботливо смочила губкой куличовые бока и верхушку, чтобы те не засохли, и надежно укутала его полотенцами для отмякания.

— Вот уважили бабоньки, — сказала Шурка заплетающимся языком, в конец разомлевшая от кухонного жара. — Я всем должна, — радостно пропела она чистым голосом. — С меня причитается!

— Иди, отсыпайся, певунья, а то завтра на работу! — Елена стала пристраивать в духовку свой кулич.

ГОРЕ

На улице весна. Исчезли куда-то вата и парафин, что зимовали между рамами. Вторые рамы из окна мать с отцом выставили и помыли. Бабушка Оля (внук называл ее Баболка) хворала сначала дома, а потом машина «скорой помощи» увезла ее в больницу. Через месяц бабушку на носилках внесли в комнату. Баболке было за восемьдесят, но она не унывала. В столь почтенном возрасте ей не знакома была зубная боль. Газеты она читала без очков, имея на все собственное мнение, соблюдала посты и ходила в церковь, когда позволяло сердце.

Судьба не баловала женщину. Может быть, благодаря вере, и смогла она выжить, сохраняя природный оптимизм. Из шестнадцати детей, рожденных ею, выжило лишь шестеро. Семья имела крепкое хозяйство по откорму бычков под Кадомом. После революции, в период коллективизации, их — трудоголиков — определили в кулаки, хозяйство разорили. Глава семьи — Санькин дед по отцовской линии — уехал в Москву к старшему сыну. Без любимого дела, уязвленный несправедливостью власти в самое сердце, кормилец запил и умер с горя.

Жена перебивалась случайными заработками, растила детей. Потом перебралась к младшему сыну в город.

«Маленького росточку», хрупкая на вид, бабушка имела волевой характер, на ней держался весь дом. Слово молвит, как припечатает. Жизнь, невзгоды еще больше закалили ее, хотя и замешана она была из крутого теста. Не побоялась однажды прогнать вора от полураскрытого окна и даже побежала за ним, пугая сгущающиеся сумерки криком: «Караул! Держите вора!» Однако проворный малый успел убежать до прихода участкового.

Потом, упрекая блюстителя порядка в нерасторопности, она возмущалась: «Ишь, окаянные. Креста на них нет, повадились! Третьего дня пиджак прямо со стула сперли! Николай только на кухню отошел обед греть. Следили, видать».

Баболка была немного обидчива, но то — издержки возраста и недостаток внимания со стороны молодых. «А молодежь-то нынче — сплошь верхогляды. Где им старческие-то хвори знать?»

Как-то утром, собираясь на работу, Санькина мать ощутила внутреннее беспокойство. Растерянность передалась рукам. Она уронила сначала кастрюльку, потом кофту. Убежало молоко, чего прежде не случалось.

Пушок, будто что-то чуял. Он сидел пару дней у больной в ногах смиренхонько. Потом — хвост трубой — и только его и видели. Простился — и убежал через форточку на улицу по своим весенним заботам, да и пропал на неделю.

Елена пощупала тонкую, жилистую, безвольную руку старушки — теплая. Позвала — окаменелое молчание, поднесла к лицу свекрови зеркальце. Раз, другой, не веря своим глазам. Все впустую: не потеет. Ей стало нестерпимо душно. Открыла форточку и позвала Сашу.

— Сынок, осиротели мы! Бабушки не стало. Простись,— сказала она сыну, когда тот вошел в комнату.

Санька постоял молча, потом чмокнул старушку в сморщенную, впалую щеку, еще теплую, роняя горькие слезы.

«Бабушки не стало». Эта фраза целиком захватила все его существо. Она, словно наталкиваясь на какое-то препятствие в детской голове, отскакивала, как мяч, и многократно повторялась. Ребенок пытался осознать... Никогда прежде при нем никто не умирал, если не считать надоедливых ос и комаров, которых он ненавидел и боялся.

«Но куда делась бабушкина душа? В прошлом месяце, когда перекладывали вещи из этажерки в гардероб, мать трясла бабушкино «приданое», и моль летела в разные стороны... Нет, не может душа такой женщины превратиться в моль — зловредное создание. Ее душа, верно, невидимой птичкой летает по комнате и что-то тихо поет ласковым голосом, а мы, занятые своими делами, не слышим», — напряженно думал мальчик.

Отец как потерянный. А мать сетует, что не сможет похоронить покойную в синем платье, любимом старушкой (на просвет оно все ажурное).

В церкви на Даниловском кладбище, куда привезли отпевать бабушку, торжественно, обилие золота и красоты, горестные лики взирают на прихожан.

Могилка вырыта на горке, куда и без тяжелой ноши-то трудно дойти. Хорошо, что сухо, а иначе, скользкая прошлогодняя листва мешала бы...

Вернулись. Мать накрыла на стол. Готовить помогала вся квартира. Баболку уважали в доме. Кутья, холодец, селедочка, соленые огурцы да квашеная капуста, потом блины. А между всем этим холодная водочка, обволакивая мысли, слегка при-
тупляла горечь утраты. Слезы, сожаления...

Поминки, как поминки. Пенсия — нищим по воле покойной.

Нет бабушки, но память о ней осталась.

КУРИЦА

— Посуда грязная у тебя, Пушок! Обедать-таки собрался, а плошка немыта! — причитала Софья Соломоновна, тщательно выскребая из углов квадратной плошечки остатки пищи. Посудинку сделали Сашину отцу на заводе из нержавеющей стали.

— Подожди, не торопись, экий ты шустрый! Не лезь ко мне под руки! Приличные котики так не поступают! Кушать надо только из своей мисочки, а не с пола, — Софья Соломоновна, пыталась перевоспитать кота. — Это не порядок. Сядь и жди. — С этими словами она приступила к разделке курицы.

Кот недоумевал, почему его не кормят. Предвкушая обед, он уже давно пришел с гулянья. Обычно хозяйки, разделывая птицу, тут же бросали ему потроха.

— Дам тебе таки потрошков, дам. Что ты весь извертелся? — увещевала Пушка недогадливая хозяйка. Кот нервничал.

Тут Софью Соломоновну отвлекла соседка. Той срочно надо было повесить гардины, но одной ей несподручно. Соломоновна долго мыла руки, потом вытирала о полотенце. Работник аптеки, она не терпела грязь и неопрятность. Оттуда, из аптеки, она приносила домой мешки из-под ваты, из них проворные хозяйки шили кухонные полотенца. Саньке же перепалили маленькие бутылочки, где он делал разные «смеси», проводя «химические» опыты.

Соломоновна ушла к Матрене. Тем временем, обиженный Пушок схватил зубами курицу с кухонного стола и прыгнул с ней в открытую форточку. Ноша оказалась велика, и раскоряченная курица застряла в форточке. Кот протиснулся наружу. Ощущая голод, и осознавая одновременно свое предательство и свою беспомощность, Пушок прыгнул на улицу и был таков.

Домой он пришел поздно вечером, виновато глядя на Софью Соломоновну. «Ну, не мог я стерпеть твою пытку курицей!» — кричал его взгляд. Кота, конечно, простили и накормили.

СТОРОЖ

У Матрены жила кошка обычного серо-полосатого окраса с тупым выражением желтых глаз на посконной мордочке. Кошку звали Подшебьяка. При ней находился котенок. Внешне он был копией своей мамы, а по характеру — пронырлив, любознателен, но трусоват.

Однажды, в субботу, когда рабочие дни в учреждениях по субботам уже отменили, мать Саши жарила котлеты.

Мясо в ту пору купить было трудно. Оно «добывалось» либо у знакомой буфетчицы, либо в кулинарии по соседству. Тогда в ходу бытовало такое понятие, как «достать по благу», что означало по знакомству, за какую-нибудь услугу или небольшие дополнительные деньги.

Если покупать в магазине готовый фарш, то в него на мясном комбинате щедро добавляли свиной жир, и котлета величиной с большую ладонь при жарке сжималась до размера детской, оставляя на сковородке вытопленный жир, и он брызгал во все стороны жалящими каплями.

В 1964 году с белым хлебом в столице были перебои. Возможно, они создавались искусственно, чтобы скомпрометировать и снять тогдашнего главу государства — Н. С. Хрущева.

Мать покупала три французских булочки по семь копеек. Одну из них бабушка грела до хрустящей корочки, делала надрез посередине, смазывала сливочным маслом и подавала Саше к завтраку на блюде. Рядом ставила стакан кофе с молоком. Часть остальных булочек шла на приготовление котлет. Секрет их достался ей от матери.

Много позже, найдя книгу дореволюционных рецептов, Елена обнаружила, рецепт «Котлеты рубленые из говядины» и убедилась, что все делала правильно. Вес французской булки и лука должны составлять по одной третьей части от веса мяса. Фарш следовало посыпать солью и «простым толченым перцем» и месить, как тесто, а потом, сформировав котлеты, жарить их на постном масле. Рецепт советовал котлеты перед жаркой обваливать в муке. Саше такие нравились больше, потому что были похожи на пирожки и быстро таяли во рту. Но мать их делала редко — возиться долго, а съедают быстро.

Соблазненные запахам, Подшебьячка и котенок крутились на кухне, Пушок гордо восседал на лавке.

Котлеты у Елены всегда получались отменные. Домочадцы давно оценили по достоинству ее кулинарное искусство. Как-то пришедший в гости Василий, муж золовки Татьяны, съел, нахваливая, аж дюжину их. Он запросто бы мог одолеть и еще, да постеснялся.

Татьяна — жена его, береженная в девичестве матерью от хозяйства, на первых порах после замужества даже макарон с сыром приготовить не умела. А котлеты для нее и вовсе — высшая математика.

Мать закончила жарить, выложила котлеты слоями на большую тарелку. Поставила ее на стол и прикрыла миской. Умаявшись от кухонного жара, она вышла отдохнуть и попить чаю в комнату.

Проводив жиличку, Подшебьяка сузила желтые стекляшки глаз, и в одно мгновение оказалась на столе. Легким движением лапы, сравнимым с подзатыльником нашкодившему отпрыску, она отодвинула миску в сторону и молниеносно впиалась в горячую котлету когтями и потащила ее к себе, урча: «Ах, вот здесь чем кормят!»

Внизу у стола нетерпеливо переминался с лапы на лапу котенок. Мастерски брошенная котлета шмякнулась на пол рядом с ним. Кошка прыгнула и начала учить малого еде. Восприимчивый к нехитрой науке он быстро насытился.

Пушок сидел на лавке, помахивая хвостом, и смотрел «кино». Домашняя «банда» съела три котлеты, а часть понадкусывала, о чем свидетельствовали куски в ореоле жирных пятен на дощатом некрашеном полу. Во время уборки хозяйки терли его битым кирпичом.

Елена пришла на кухню как раз к окончанию кошачьей трапезы.

— А ты что жмуришься, дурачок? Хозяйский кот должен добро стеречь! Выходит, даром хлебушек ешь,— констатировала Елена. Кот продолжал жмуриться. Как будто вовсе и не к нему обращались.

— А ну, брысь пошли, воровское отродье! — «Банда» испарилась в дверном проеме.

«Отчего кот проявил братскую солидарность? Может, увидел в Подшебьяке мать?» — гадала Елена.

Живя под одной крышей, кошка и кот никогда не признавали друг в друге близкое существо. «Плебейка с дурными манерами»,— думал кот — породистый сибиряк, проходя мимо с независимым видом. Она же отвечала ему в немом диалоге: «Сердитый самодовольный барин со вздорным характером».

Остатки котлет скормили «сторожу».

БОМБА

Стоял дождливый август, и повсеместная серость навевала скуку. Саша и Слава сидели на террасе и с аппетитом уплетали замечательный отцовский супчик из пшенки на молоке. Натуральном коровьем молоке, его привозил на велосипеде сын хозяйки коровы. Однажды Санька при пареньке налил молока в блюдце кота, на что мальчик обиделся. Во время войны тот хоть был маленьким ребенком, но понимал, молоко нужно людям. «Я не для кота ношу!» — в сердцах воскликнул тот.

Суп обладал редким свойством: сколько ни ешь, а все мало. Отдуваясь и пыхтя, мальчики доели по последней тарелке, и аккуратно, чтобы не расплескать, сели на диван и начали мечтать.

— Вот бы сейчас была война, а я на самолете разбомбил весь немецкий штаб,— начал Славка.

— А я бы, я бы стал разведчиком, как дядя Дима. Тихо-тихо под прикрытием ночи пробрался к фрицам в тыл, узнал все-все их военные тайны и секреты, маршруты наступлений, пустил бы поезд с немецкими танками под откос и взял самого главного «языка»! — продолжил Санька.

— Э, брат, ты загнул! Самый главный фриц сидит в Германии, а поезда взрывают партизаны, но ты же разведчик, чуешь разницу?

— Ну и что, а я на самолете долечу до этой Германии. И разведчик я от партизан,— выкрутился Санька.

— Слушай, вот что разведчик,— дело есть, сказал Славка, понизив голос, чтобы Санькин отец не услышал.— А что, если нам выкопать бомбу и припереть ее сюда, на сады?

Между деревней Язово и садами солдаты вырыли глубокий ров, отделяющий совхозные земли от военного аэродрома. Земля из рва образовывала бугор, идущий параллельно аэродрому. На вкопанный в бугор кол кто-то догадался надеть часть корпуса разорвавшейся бомбы и закопать ее.

Однажды, когда Саньке было четыре года, он катался на велосипеде по полосе аэродрома, выложенной из больших шестигранных блоков, дедушка шел рядом. На той полосе почему-то самолеты не стояли. Но вволю мальчику покататься не дал почти тут же появившийся на горизонте газик, и им с декой пришлось дать деру.

На территории аэродрома — изуродованное недавней войной поле с клевером и сочной травой, там деревенские жители пасли коров. Говорят, лет через десять после войны где-то у пруда, что за полем, нашли неразорвавшийся фугас, который был обезврежен, но еще долго валялся в овраге на радость детворе.

Восьмилетний Санька сказал: «Годится!»

Он попросил у отца лопату. «А тебе зачем?» — поинтересовался родитель.— «Дело есть»,— решительно сказал Санька.

Мальчик получил орудие труда. Сказать, что оно не подходило для планируемой операции, значит, ничего не сказать. Лопата не первой молодости, прямоугольной формы, слегка измазанная цементом, который присох намертво. Кроме того, это «ископаемое» изначально было предназначено для мягкого грунта, а не для глины. В воскресенье, когда понадобилось вскопать грядку, мать авторитетно заявила, что лопата ребенку подойдет, хотя черенок возвышался над копарем.

В восемь часов утра батя разбудил Сашу, напомнив ему о деле. Славка нехотя побрызгал на лицо воды из «дрыгалки» и размазал ее по лицу.

— Черт страшней,— громко шептала Славкина бабка, потому что соседи еще спали,— и кто ж тебя так умываться учил, кое-как? — Она была несдержанная на бранные слова, но при внуке старалась не выражаться.

Славка наскоро покидал в себя бутерброды, запил чаем, и они двинулись в путь.

Дорогой он постоянно спрашивал Саньку: «Серьезно будем копать?» — «А ты чего, сдрейфил, кишка тонка?» — «Ничего и не тонка», — обиженно отозвался приятель. У калитки их догнал Петька, сосед по центральной улице, он уже был взрослым юношей и помогал матери, семья жила небогато; то клубнику, то смородину на продажу подвезет в гарнизон на репарационном велосипеде, то за едой съездит. Он по-доброму относился к малышне и помогал мальчишкам в их затеях.

— Куда идете, ребята?

— Бомбу выкапывать!

— Зачем?!

— Солидно!

Слыша это слово, Саша до сих пор вспоминает дешевую овальную стеклянную солонку с оборками, в которую собравшиеся «вечерить вареной картохой из чугуна» тетя Лиза и ее сыновья Петька и Колька по очереди макали картофелины.

Картошка была ароматной и вкусной, в «мундире» и ребята учили паренька как с ней расправляться. Мальчик никогда не отказывался от предложения тети Лизы поужинать вместе, «солидно посидеть за столом», как говорил Петр. Кроме того, маленькому Сане было интересно со взрослыми ребятами, а они принимали его, как равного, что очень нравилось пареньку. Его подкупали простые отношения, где отсутствовали чопорность и церемонность, не замороченные правилами приличия. Он с детства терпеть не мог сюсюканья. Мать, бывало, вынесет его на бульвар гулять, и тут же, как муха, появлялась какая-нибудь слащавая дамочка, начинавшая сюсюкать со смазливым большеглазым мальчуганом, тот обиженно отворачивался.

— Некогда мне с вами возиться, мать велела купить масла, — и показал ребятам пустую флягу из нержавеющей стали, обтянутую защитным чехлом.

Потом, видимо, оценив мысленно объем работ и, пожалев «старателей», он передумал.

Бомба находилась примерно в километре от дома. Дожди уже прекратились, но грязь на косогоре пока не высохла. Шли гуськом и делали маленькие шажки, чтобы не растянуться и не пропахать носом жирную глину. Временами сапоги увязали, и приходилось выдергивать то один, то другой сапог из «голодно» чавкающей глины.

Петя, часто вытирая пот и передыхая, не быстро откопал бомбу, зарытую в землю на треть. Она оказалась гораздо больше, чем предполагали ребята. В землю была вкопана лишь «юбка». Сообща они выкорчевали огромную дулю из земли, глазам предстал мятый металл толщиной 15 мм. Для двух ребятшек бомба была совершенно неподъемной. Спасла слякоть, тогда на дороги еще не сыпали самосвалами гравий, битый кирпич от старых домов и отработавший свое асфальт. Петр объяснил ребятам, каким образом надо зацепить лопату одному из них, а и как второму толкать сзади, чтобы бомба поехала. Глина, словно сливочное масло, не препятствовала движению огромной дули.

— Как дела? — крикнул отец с огорода.

— Нормально! Пап, мы бомбу привезли.

Отец удивился, но бомбу через забор все же перекинул. Он был физически сильным человеком. Саньку не раз распирала заслуженная гордость, когда батя, вручную, без напряжения накачивал из колодца одиннадцать ведер воды.

Все следующее лето ребята играли со своим трофеем, то в космонавтов, то в подводников, то в артиллеристов. К сентябрю им наскучило, и они приходили к Пете поиграть с полевым телефоном ТА-43. Телефон бил током при кручении ручки для осуществления соединения. Вся садовская ребятня убедилась в этом.

Через год Саша и Слава выросли, и садоводы зарыли оставленную войной «игрушку» в дорогу. «Пес его дери, глина, как топь, через несколько лет поминай, как звали твою бомбу», — резюмировал отец.

КУПАНИЕ

Почти каждое лето Лариса приезжала на дачу к двоюродному брату погостить. Она была озорной, светловолосой, голубоглазой, курносой, что придавало ее личику кукольный вид. Лара все время толкалась возле брата и совала нос во все мальчишечьи дела. Вместе с ним и его друзьями играла в «ножички», запускала «змея», лазала по заборам, ходила на пруд.

Девочка была младше брата на три года и сильно надоела ребятам.

В одно из воскресений, ее мать решила выкупать дочку в речке. Взяв все необходимое, они пошли по дороге вдоль общего забора, потом свернули налево и низом дошли до редких кустиков обрамлявших невысокий берег.

Татьяна сначала тщательно чесала мыльные волосы гребнем, не обращая внимания на ее визг, вызванный резью в глазах из-за мыла, потом вымыла девочке голову. Мать старательно терла худенькое девчоночье тельце. Вода была довольно прохладная, и Татьяне приходилось работать споро.

После купания в ход пошло грубое махровое полотенце. Ларкина кожа покраснела, а щеки налились и зарумянились. Высыхая, ее тщедушные волосики превращались в премиленькие кудельки.

Мать нарядила Ларку в розовое платье, привезенное отцом из-за границы. Оно было с гофрированной оборкой, вышивкой, круглым воротничком и рукавом-«фонариком». Сзади был повязан роскошный бант.

Ларка надела белые носочки и новые белые туфельки с пряжкой, в которые мать предварительно брызнула водицы, в надежде, что дочь разносит их, так как они чуть жали снова.

Санька с Лешкой напрыгались с «тарзанки», наплавались и нанырлялись на перегонки до синевы, до икоты, до «дрожжей». Собрались и пошли за Ларкой и ее матерью домой. В животах подсасывало, ибо время обеда прошло.

Кому пришла в голову мысль дразниться, трудно сказать. Слишком чиста была Ларка для дачи в своем праздничном наряде с вызывающим бантом.

— Лариска-брыска,— выкрикнул весело Лешка.

— Лариска-грыска,— подхватил Сашка.

Та не заставила себя долго ждать и прокричала звонким голосом:

— Лешка-галошка, а Сашка — какашка!

Мать отругала девочку.

Мальчишки продолжали дразниться, и, когда дело дошло до буквы «п», Сашка схлопотал оплеуху от тетки и не надолго замолчал.

— Лариска розовая, как свинка,— примирительно изрек паренек.

— И никакая я не свинка. Я — Дюймовочка! — обиженно сказала девочка.

— Дерьмовочка,— шепотом, чтобы не получить затрещину от Сашкиной тетки, пропел Лешка.

— Смотри, Ларка, а у тебя одна нога длинней другой,— сказал Сашка на полном серьезе.

Та остановилась и стала пристально рассматривать свои ноги.

— Вот вруны! Не буду с вами разговаривать!— прокричала обиженно девочка и побежала.

После длительных дождей на грунтовой дороге, где часто ездили грузовики, образовались лужи. Они начали тухло пахнуть.

На беду Лариса поскользнулась и, широко расставив руки, упала в самую глубокую из них, едва не хлебнув черной жижи. Мальчишки помогли ей встать. Личико, ноги и руки, очаровательное платье и даже носочки были безнадежно испачканы.

Мать вытерла, как могла, лицо дочери майкой и, не закрывая рта, почем зря, ругала ее. С одежды дочери жирными каплями падала грязь.

Лара плакала, но, не успев израсходовать весь запас обиды на вредных ребят, на свою неуклюжесть, на жесткие туфли, на добрую, но нервную мать, вдруг начинала истерично хохотать над мордочками, что ей корчили мальчишки. От этого ее чумазое лицо становилось еще более комичным. И они умирали со смеху.

Дома Татьяне пришлось хорошенько умыть девчонку и дать ей валерианы. Согретую на керогазе воду принесли в летний душ, смешали с водопроводной водой. Мать стала энергично отмывать снулую, словно ударенная рыба, Ларку от грязевой ванны.

(Окончание следует)

Алексей Яшин
(г. Тула)

РАСТЕРЯЛИСЬ... ДВА КАПИТАНА*

◆ К семи часам, согреваясь в быстром шаге от озноба ранневесенней морской промозглости, миновав сопку Старого Полярного, Чертов мост, выставший своими сотнями ступенек глубокий овраг, и — наискосок — весь Новый Полярный, Николка точь-в-точь прибыл к проходным среднему пирса подплава. Его уже ждал Серега, демонстративно вскинувший на уровень глаз руку с часами. Так, для порядка, ибо на его сверхточных, подаренных отцом «командирских» до седьмой склянки, говоря по-флотски, значилась целая минута с заштатными секундами. Но все же не удержался:

— Не опоздал — хор-рошо! А я уже минут десять как здесь!

Николка, пожимая руку однокласснику, промолчал: Сереге от дома до пирса пять минут ходьбы, а тут три четверти мили топтать...

— Ладно, Коль, не хмурься, как проштрафившийся боцман, пошли. Катер ждать не будет, хотя бы отец еще вчера дежурного по пирсу предупредил.

Вошли в настезь раскрытые стальные ворота, в которые за минуту до того вполз тягач с парой торпед на прицепе, укрытом брезентовым полотнищем.

Сидевший слева за воротами на табурете дневальный — явно нестройной «страшный матрос»**, по всей видимости готовившийся к дембелю со своей одинокой лычкой на погонах, — доселе шутившийся на раннеутреннее солнышко, посмотрел на вошедших, с ленивым флотским шиком процедил:

— Куда, паца... — но, оценив вытянувшихся к концу десятого класса за метр-восемьдесят Николку и Серегу, поправился, — каким курсом следуете, ребята?

— По распоряжению капитана первого ранга Ившева на катер *PK-49*. В дежурке должна быть запись, — не останавливаясь, кратко ответил Серега, сделав ударение на фамилии отца, зам. командира эскадры.

Служивый оценил высокую должность, но утреннюю лень преодолеть и не собирался, махнул рукой, но на всякий случай ответил по-уставному:

— Добро на вход. Пр-родолжайте движение, ребя... товарищи.

Чувствовалось: мореману в ничтожном чине так осточертели за четыре года службы все эти лодки, торпеды, облезлые круглый год сопки, многочисленные черномундирные военные и диковато смотрящиеся на территории подплава редкие штатские, что он со скрежетом скул зевнул и, мечтая о скорых «ста днях», лениво поплелся прикрывать тяжеленные ворота.

◆ Средний пирс подплава в Екатерининской гавани уже три года как пользовался не очень-то хорошей славой. А именно с того злосчастного для Северного флота и всего советского флота дня одиннадцатого января шестьдесят второго года, когда произошла катастрофа.

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которой автор сейчас работает.

** То есть старший матрос — эквивалент пехотному ефрейтору — флотск. (Прим. авт.)

В этот день, первый учебный после зимних каникул, только успел прозвенеть на первый урок громогласный школьный звонок — корабельный «колокол громкого боя» с крейсера, подаренный моряками-шефами, как со стороны близкой гавани раздался грохот мощнейшего взрыва. В классах полетели оконные стекла, посыпалась с потолков побелка, тотчас во всем городе погас свет. В темени полярной ночи учеников выводили со всех трех этажей на улицу завхоз и учителя-мужики с фонариками. Учитель физкультуры Рэм Давыдыч — с керосиновой лампой «летучая мышь»...

Рванул полный боезапас — корабль готовился к выходу в море — носового торпедного отсека подлодки Балтфлота *Б-37*, или по-флотски *Буки-37*, пришвартованной у среднего пирса первым корпусом.* Взрыву предшествовал пожар в отсеке, за время которого стоявшая вторым корпусом лодка *С-350* успела по тревоге отойти на два десятка метров, но все равно при взрыве *Буки-37* получила пробоины корпуса.

Обе подлодки затонули; погибли под восемьдесят моряков. По чьей халатности произошла катастрофа — выяснить не удалось: фрагменты тел погибших из носового отсека извлекали по сантиметрам...

Буки-37 хотя и числилась по реестру боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота, но много лет уже базировалась в Полярном. Как искушенные во всех флотских тонкостях, даже школьники второй ступени знали: Балтфлот при всей его героической истории в случае современной войны малодейственен, будучи заперт минными заграждениями в Финском заливе. Да и то в малой, околоронштадтской его части.

Поэтому во флотском обиходе и ходила обидная для балтийцев присказка — по первой букве названия флотов (как и у подлодок в их буквенно-цифровых номерах): «Северный флот — современный флот; Тихоокеанский флот — *тоже* флот; Черноморский флот — учитывая, что матросский состав его в основном призывался с Украины — *чи* флот, *чи* не флот; Балтийский флот — *бывший* флот».

...Вот поэтому подлодки *КБФ* частично базировались на Северном и Черноморском флотах — для выхода в случае чего на оперативный простор. Подводный флот и сам по себе очень подвижен. Так подлодки из Полярного часто зимой отправлялись в Средиземное море — «сопровождать» американские и вообще натовские авианосцы и крейсера.

Семьи офицеров и женатых мичманов с *Буки-37* и других лодок Балтфлота, базировавшихся в Екатерининской гавани, постоянно жили в Полярном; в одном классе с Серегой и Николкой училась дочь командира злосчастной «буки», чудом оставшегося в живых. Но вскоре после взрыва она уже не была их одноклассницей. На флоте всегда виноват непосредственный командир, поэтому капитана второго ранга отлучили от службы на кораблях и перевели в Бакинскую мореходку, где готовили и подводников для Каспийской флотилии. Видимо, на случай войны с Ираном...

◆ Наверное, оба они думали одинаково, подходя к «аркашке», как было принято именовать катера этой серии, под номером сорок девять, ибо эта каботажная посудина была пришвартована на свободном пяточке пирса между плавбазой «Печенга» и ... половиной той самой *Буки-37*.

Плавбаза «Печенга», обслуживавшая в плавании подлодки второй эскадры, всем своим рубленным тевтонским видом показывала, что строили ее в Киле или Гамбурге, а была она некогда рейдером** флота Третьего рейха, переданным после раздела союзниками немецкого и итальянского флотов СССР и униженно переделанного в плавбазу...

С «буки» дело обстояло сложнее, чем с бывшим рейдером, ибо если армия — по

* То есть пришвартованный непосредственно к стенке пирса. К ее внешнему борту швартуется лодка вторым корпусом и так далее (Прим. авт.).

** Легкий крейсер по немецкой военно-морской терминологии (Прим. авт.).

сравнению с гражданским обществом — есть бюрократия в квадрате, то флот — она же в кубе... нет, в четвертой степени, как в школьном алгебраическом биквадратном уравнении. Во-первых, после катастрофы Балтфлот «переписал» лодку на северян. Во-вторых, в Минобороны, в Москве, адмиралы и маршалы, опасливо кидая боковые взгляды на свои большие звезды на погонах, начали почесывать свои стриженные «бобриком» головы: по какому реестру провести погибший корабль? Восстановлению он абсолютно не подлежал. Это — раз. Признать погибшей — радость для натовцев* ... опять же звезды на погонах. Это — два.

Нашлась умная голова с «бобриком» в здании серо-стального цвета на Арбате: подлодку списать, как выработавшую большую часть ресурса, передав ее там же в Полярном в учебный отряд *без права выхода в море*.

Как говорится, и честь мундира не пострадала, и боевая мощь советского флота планомерно не уменьшилась. Минобороны, коротко вздохнув, подмахнул соответствующий приказ с визой Адмирала флота СССР.

Дело мастера боится, когда сверху спущена соответствующая бумага. У *Буки-37*, ранее поднятой с неглубокого дна у пирса и оттащенной на весу спасательными буксирами на шестой судоремонтный завод *ВМФ*, что в Палой губе, отделенной от Нового Полярного сопкой, отрезали носовую половину по самую рубку, а торец заваривали герметично стальными листами.

Обрешную плавучесть половину подлодки отбуксировали на вечную стоянку, как «Аврору», к среднему пирсу Екатерининской гавани точно на место ее гибели. Благо моряки — самые суеверные в мире люди, поэтому и под страхом отставки без пенсии ни один командир свою лодку сюда бы не поставил.

Всякий раз, когда этот горестный обрубок попадался на глаза Николке, он тотчас вспоминал картинку из книжки приключений барона Мюнхгаузена, что имелась дома: плывет по морю-океану обрубленная половина кита. А тот улыбается по-рыбьему и весело пускает фонтан воды после завтрака планктоном.

В городе же гулял слух: увидев этот обрубок у пирса, командующий флотом назидательно сказал своей свите: «...И правильно сделали! Никакое это не бельмо на глазу, а суровый воспитательно-дисциплинарный пример. Во-первых, каждый командир постоянно видит, к чему приводит разгильдяйство по службе. Во-вторых, матросы-торпедисты уяснят, что заваривать трещины в стеллажах с боевыми торпедами на них паяльными лампами** есть преступный идиотизм. Наконец, молодые матросы из учебки, что упражняются на этом обручке, накрепко усвоят серьезность флотской дисциплины».

◆ «Аркашка», цельнометаллический сварной, даже настил палубы из рифленой стали — чтобы ноги не скользили, окрашенный в уставной шаровый цвет, со счастливым по флотским поверьям номером ($7 \times 7 = 49$), готовился отдать швартовы. Салага-матрос первого года службы уже размотал с тумбы кормовой трос, перебросив его на палубу, направлялся к носовому. Стоявший на причальном трапе молодцеватый, подтянутый старшина катера (здесь офицеров, а значит и звания командира, не полагалось), по-весеннему без бушлата, в одной форменке, как и давешний дневальный, с легким прищуром смотрел на солнце, взошедшее над сопками Екатерининского острова, не забывая беззлобным матерком поучать салагу флотскому мастерству.

Не дожидаясь вопроса обладателя солидных главстаршинских погон, Серега, особо не разнообразя свои слова, отрекомендовался:

— По распоряжению капитана первого ранга...

* О взрыве в Екатерининской гавани и двух затонувших подлодках «Голос Америки» сообщил в вечерних новостях в день катастрофы (Прим. авт.).

** Одна из версий пожара и впоследствии взрыва (Прим. авт.).

Но на этом слове моторист катера резво запустил сразу на больших оборотах дизель, заглушив фамилию носителя высокого командирского звания. Старшина ловко, с шиком старослужащего нагнулся с трапа к подошедшим, приложив руку к мичманке:

— Что-что, капитан первого ранга?

Сергеа, повысив с поправкой на стрекот дизеля голос, повторил.

— Прошу на борт, — с невыразимой любезностью в голосе, дополненной четким жестом руки, пригласил ребят старшина, в два шага сам поднявшись на палубу, освобождая трап.

Лихо козырнув, молодцеватый главстаршина направился в штурвальную рубку — пора отчаливать, благо дизель уже разогрелся и перешел на ровные рабочие обороты, а салага, закинув носовой трос на палубу, сам взбежал на нее и принялся затаскивать трап.

Старшина дал по корабельной «сирене» три коротких отвальных гудка, вода за кормой забурлила, катер отвалил от стенки пирса и пошел, набирая узлы, наискосок Екатерининской гавани курсом на восточный, узкий выход из гавани в Кольский залив.

Не торопясь в пассажирский отсек в носовой части катера, Николка с Сергеей присели на банку* перед рубкой под красным щитом с пожарными причиндалами. Опять же щурясь на ранневесеннее солнце, по которому так соскучились за полярную зиму.

Катер, чуть сбавив обороты винта, миновал самое узкое место пролива между материковым берегом и Екатерининским островом, называемом пиреймой, то есть шлюпочной переправой с берега на остров, где располагалась на ближней сопке городская метеостанция, а на ее пологом спуске к воде стояли несколько двухэтажных бревенчатых домов. Очень поместительных. Других строений на довольно большом острове не имелось.

Чем занимались проживающие в этих домах семьи — ни Николка, ни, тем более Сергеа, не знали, но дома эти, построенные в самом конце девятнадцатого века, принадлежали тогда Кольской судоходной компании и являлись первыми строениями будущего города Александровска.

Сергеа пирейма ничего не говорила, но Николка прекрасно помнил, что эта переправа была началом его с братьями или с матерью пути из Полярного на маяк Большой Олений на одноименном острове за Екатерининским. Четыре года семья маячничала, а Николка с братьями жил в интернате при школе.

...Однако по выходу в Кольский залив стало холодновато; Николка с Сергеей, откинув люк, спустились по крутому трапу в пассажирский трюм — отсек с полукруглым обитого дерматином большого дивана. На нем они и продремали все полчаса, что катер шел до Североморска.

◆ Вчерашний день, пятница, был по расписанию производственным. Николка с Сергеей проходили трудовое обучение по радиотелеграфному делу — «морзисты» на ключе, то есть не выходя за пределы школы — в радиоклассе. А практиковались в школьном же радиоклубе, работая на коллективной радилюбительской коротковолновой станции с позывным *UAIKUZ*. Все это организовал умелый педагог, матерый мичман Алексей Васильевич, совмещающий школу с основной службой во флотском радиоцентре Полярного.

Перед началом занятий Алексей Васильевич, в своей мичманской мощи очень напоминавший балтийских боцманов из революционных фильмов, жестом подозвал к учительскому столу Николку и Серегу:

* Деревянная скамейка без спинки — флотск. (Прим. авт.).

— Вам, двум капитанам, боевое задание. Звонили из Североморска — отпечатали-таки нам полторы тысячи кюэселек*. Почему-то две пачки эти попали в райком комсомола. Так что завтра утренним рейсовым катером из Кислой губы отправляйтесь в Североморск, в райкоме найдете управделами и вот по этой доверенности получите нужное. К обеду вернетесь таким же манером. Все понятно?

— Так точно, Алексей Васильевич. А если что не поняли,— отрапортовал Серега,— так сегодня вечером и спросим — у нас с Николаем вахта в радиоклубе с восемью до десяти...

— Не с восьми до десяти, а с двадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль,— привычно поправил мичман и добавил с ухмылкой:

— С восьми до десяти... А еще капитаны!

Вечером на станции, завидев чуть припоздавшего Николку, Серега сообщил:

— На рейсовой посудине пусть всякие штатские теснятся, а мы сам-двое на военном катере с полным трюмным комфортом отбудем в Североморск.

И далее кратко пояснил: отец его, узнав о завтрашнем вояже в райцентр, что-то припомнил, позвонил в штаб и сообщил Сереге, что завтра в семь ноль-ноль от среднего пирса отходит катер — забрать из Североморска два десятка курсантов-старшекурсников из *ЛВВУП***.

— ...Они там два дня при штабе прокантовались, получая распределение по эскадрам для походной практики, а двадцать гавриков выделили на нашу эскадру.

— Так что, Коль, сэкономим по полтиннику, а завтра точно в семь *ноль-ноль*, как говорит наш дорогой Алексей Васильевич, будь-стань у ворот среднего пирса!

◆ Отец у Сереги — моряк героический, особо отличившийся в Карибский кризис. Никита Хрущев все делал невпопад, слабо представляя реальность, не просчитывая, как Сталин, все на сорок ходов вперед. Когда он зарвался с установкой ракет на Кубе, а америкосы заблокировали Остров Свободы своими авианосцами и крейсерами, Никита впал в раж: да мы туды-сюды пошлем атомные подлодки Северного флота! Если не шапками, так ракетами из-под воды забросаем!

При этом даже не удосужился поинтересоваться у кого следует: а на плаву ли эти самые первые атомоходы? Оказалось же, что к началу кризиса все они находились в доках и у причальных стоянок в Северодвинске и в судоремонтных заводах Северного флота на доработках, ремонтах, до- и перевооружении.

Поэтому Северный флот смог послать из Полярного только бригаду дизельных подлодок, правда, новейших, в составе четырех единиц.

Лодка, которой командовал тогда еще капитан второго ранга Ившев, назначалась флагманской, поэтому Серегин отец формально числился в походе дублером командира-адмирала бригады.

У американцев, как и у нас, к тому времени появились большие противолодочные корабли, поэтому на подходе к Кубе они заставили всплыть три лодки бригады, то есть де-факто вывели их из боевого строя. Делалось это так: лодка засекалась и забрасывалась муляжами глубинных бомб — сигнал: следующая серия бомб может быть боевой... Подлодка всплывала. Таковы правила игры в невоенное время.

Только флагманская лодка сумела оторваться и на все время блокады Кубы оставалась в боевом строю, неся потенциальную угрозу для американских авианосцев.

...Впоследствии во флотских кругах Полярного, поминая Никиту малодобрым словом, говорили: одна наша лодка противостояла всему атлантическому флоту США!

* От *QSL* — на радиолобительском коде означает стилизованную, с позывным радиостанции, карточку радиолобительской специальной почты. Такими карточками обмениваются радиолобители, установившие связь друг с другом (Прим. авт.).

** Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница советских офицеров-подводников (Прим. авт.).

После завершения Карибского кризиса «флагманцев» щедро наградили. Серегин отец получил орден Ленина. Тем более адмирала не забыли, хотя его бригаду и стрелножили на три четверти.

Ставший каперангом Ившев пользовался большим авторитетом в Полярном, по-суворовски заботливо относясь к подчиненным любого звания. Вот даже о такой мелочи порадел: как двум школярам удобнее до Североморска добраться.

◆ Сквозь чуткую дремоту оба отметили про себя: ага, катер взял несколько вправо, а минуты через три — порезвее влево. Значит, обогнул маячный остров Сальный и взял курс на пристань Североморска между стоявших на широком рейде крейсеров и эсминцев.

Еще через семь-восемь минут ход плавно замедлился: прибыли в нынешнюю (ранее ею был Полярный) столицу Северного флота — в Североморск, которую оба помнили по детским годам еще как поселок, становище по-местному, еще от новгородских времен, Нижняя Ваенга.

У трапа на пристани, козырнув, молодцеватый старшина катера пожелал ребятам успехов в их предприятии:

— Сожалею, что не смогу доставить обратно. Вон курсанты уже потянулись, а мне велено их доставить в Полярный к половине девятого. Желаю здравствовать!

Здание райкомов партии и комсомола располагалось неподалеку. По раннему времени около него ни души не наблюдалось, только на площадке перед входом стояла серая «волга» с водителем, читающим книгу, да в полуотворенной створке двери пожилая женщина выметала из-за порога явно вчерашний мусор от подошв.

— Мы, наверное, первые сегодня? — с наигранной веселостью приветствовал служительницу Серега.

— Да нет, ребятки, военный, что на машине прибыл, чуток опередил вас. Чтой-то лицо его знакомое, да не рассмотрела из-за-под солнца. А партийных и комсомольцев еще нету. По какому делу-то сюда?

Объяснили, показав доверенность.

— А чего вам управдельшу-то ждате? Все одно на вынос выдает Васильич, мужик мой и здешний завхоз. Он у себя — вот коридор пройдете, в последней комнате налево к нему и попадете.

Завхоз бегом взглянул на доверенность, сверил ее с записью в потрепанной амбарной книге, велел кому-нибудь расписаться, четко указав в скобках фамилию, после чего снял со стеллажа две небольшие пачки в оберточной бумаге, перевязанные шпагатами, пожелал обратного пути, заметив, что после войны и сам служил в Полярном.

Выйдя от завхоза, Серега с Николкой едва не столкнулись с военным, что спускался со второго этажа по боковой лестнице... и тут же остолбенели: это был Гагарин. На сгибе левой руки он держал свернутую шинель с подполковничьими погонами, а в правой — фуражку.

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

— Здорово, ребята! Уже отоварились? — Гагарин подмигнул, кивнув в направлении пачек. — А я вот в Сафоново к своим сослуживцам приехал, а отсюда позвонили, просили в Североморск заглянуть. Место встречи — райком, а тут еще не души. Хотя, конечно, люди штатские, поздно просыпаются... Вы откуда?

Узнав, что из Полярного, пожалел, что еще не удалось побывать в этом славном городе. Завидев группу людей со стороны входных дверей, попрощался и вновь направился к лестнице на второй этаж.

...Только пройдя половину пути до пассажирского причала, Николка безматерно выругался и хлопнул себя по лбу:

— Вот идиоты! Ведь кюэсельки на руках для автографа! Надо же так растеряться? Нет, Серега, не быть нам капитанами...

◆ Второе огорчение ждало их на пассажирской пристани: «аркашка» только что отвалил и, набирая обороты, удалялся. Дежурный по пристани, видевший, что ребята прибыли на этом катере, посочувствовал:

— Еще немного и успели бы. Благо и задержка случилась: один недотепа из курсантов уронил в воду чемодан.

— Ну и как ловили его?

— Да я за багром к пожарному щиту сбегал. Подцепили за ручку. А вот, кстати, и мурманский катер идет. Берите в кассе билеты — и айда в свой Полярный!

Через час без малого Серега с Николкой выгрузились на пристань Кислой губы, сели в единственный в городе рейсовый автобус и еще через полчаса вручили Алексею Васильевичу пачки с кюэсельками.

— Молодцы, два капитана! На уроки можете не ходить, вас отпросил на весь световой день. Я пошел на педсовет, а вы садитесь за ключ и работайте вне очереди.

Такая награда — до самого вечера вдвоем хозяйничать на радиостанции! Тем более, ранневесенняя погода гарантировала ровную, без мерцаний, замираний, федингов и прочих несчастий коротковолновика почти по всему Северному полушарию.

Действительно, неся попеременно получасовые вахты, Серега и Николка установили в общей сложности под тридцать связей, в том числе и достаточно экзотических — с радиолюбителями из Австралии, Египта, Малайзии. Естественно, обменялись приветствиями со старым знакомцем Тони Спайком. Известен он был всем коротковолновикам мира тем, что работал в эфире почти круглосуточно. А чем ему еще заниматься, ибо проживал он на своей яхте, дрейфовавшей вдоль берегов Калифорнии, а сойти на эти берега не мог — сразу попадет в долговую тюрьму! Очень активны были и станции из *ЮАР* и *Израиля*; прямо-таки умоляли ответить *UAIKUZ*, но... здесь высокая политика: Центральный радиоклуб в Москве под руководством папанинца Кренкеля категорически запрещал с этими странами связываться...

...Вроде и друзья-приятели, но, работая на станции, все же ревниво поглядывали друг на друга. Дело в том, что оба являлись обладателями раритетных связей высшего ранга: у Сереги был сеанс связи с королем Иордании Хусейном, известным радиолюбителем-коротковолновиком, а Николка «поймал» не менее важную в мире персону — сенатора Барри Голдуотера, не сходившего в карикатурах со страниц «Крокодила», а в газетах именуемого не иначе как «бешеный Гарри».

Между Серегой и Николкой постоянно вспыхивал спор: чья связь важнее? Конечно, вроде король солиднее, но на присланной из Иордании кюэсельке непонятная подпись арабской вязью. Король ли автограф ставил? А может какой визирь третьего ранга...

Зато на Николкиной карточке из США тонким синим фломастером четко читалось: *Barry Goldwater* — и лихой росчерк в конце фамилии.

Кстати, сенатор оказался человеком вежливым: охотно ответил на вызов Николки, а в заключении радиообмена пожелал русскому коллеге-спортсмену доброго здоровья и новых встреч в эфире. Из этого Николка сделал верный вывод: политики всегда имеет два лица: свое, человеческое и придуманную им маску для публичности*.

◆ А коллективным прозвищем «два капитана» Серега с Николкой были обязаны все тому же Алексею Васильевичу.

До какого-то момента каждого из них по отдельности иногда именовали капитаном. Николка получил это прозвище в девятом классе вместе с очень престижной в школе должностью начальника радиоузла, совмещенного с кинобудкой, откуда «давали» фильмы на экран в актовом зале.

* Это как наш Владимир Вольфович — умнейший и ровный в общении человек, но на публике надевает этакую ковбойскую маску (Прим. авт.).

Вход в радиоузел со стороны коридорной двери включал достаточно крутую лестницу. Директорша Вера Ивановна, навестившая Николку в радиоузле вскоре после его назначения, поднялась по этой лестнице и пошутила: «Ну, Николай, у тебя здесь настоящий корабельный мостик, а ты, значит, есть капитан на мостике!»

Сопровождавшая директора старшая пионервожатая тотчас озвучила прозвище всей школе.

Аналогичным прозвищем Серега был обязан своему дому. Это было первое в городе современное многоэтажное здание, гордо высившееся среди сплошной двухэтажной застройки, да еще и с печным отоплением. Построили его сразу за знаменитым Циркульным домом целевым назначением: для подплава, и заселили семьями сплошь капитанов: от капитанов первого ранга до капитан-лейтенантов по нисходящей...

Мигом дом прозвали капитанским, а ребят оттуда — капитанскими или просто капитанами.

Объединил прозвища Сереги и Николки Алексей Васильевич. Как-то случилось обоим опоздать на четверть часа на ночную вахту в радиоклубе во время больших международных соревнований коротковолновиков, длящихся без перерыва двое суток подряд. Николка с трудом пробивался через занесенный снегом Чертов мост, соединявший Старый и Новый Полярный.— Стройбатовцы только-только начали расчищать занос. А Серега увлекся ремонтом лентопротяжки своей «Кометы» и забыл посмотреть вовремя на часы.

Оба вошли в помещение радиоклуба одновременно. Алексей Васильевич, как опытный педагог знавший прозвища всех своих подопечных, встретил их с часами в руке: «А-а, явились два капитана!..» И далее прочел им краткое, но убедительное наставление о флотской дисциплине.

Коллективное прозвище прилипло, как смола к бетону.

◆ Прошли многие годы. Серега и Николка, уже Сергей Валерьевич и Николай Андреевич, давно потерявшие друг друга из виду, жившие в разных городах, все же стали номинальными капитанами, ни дня не служа — так жизнь сложилась. Оба в своих институтах прошли военные кафедры: Сергей — военно-морскую, Николай — ракетно-артиллерийскую. После двух летних сборов оба получили третью звездочку, а, защитив кандидатские диссертации, стали и капитанами. Два капитана...

Уже в другом веке и тысячелетии, совсем в другой стране нашли друг друга в интернетовских «Одноклассниках». И, не сговариваясь, встречно послали сообщения, начинавшиеся одинаковыми словами: «А помнишь, как растерялись... два капитана?»

Ирина Кедрова
(г. Москва)

УЧЕНЬЕ БЛАГОРОДНОЙ ДЕВИЦЫ*

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

На окраине Петербурга в Воскресенском женском монастыре, именовавшемся в обиходе Смольным, открылось невиданное доселе заведение для обучения благородных девиц. Открылось оно по велению матушки-императрицы Екатерины и при усердном старании ее верного друга Ивана Ивановича Бецкого. Наверное, старый трудяга от образования увещевал разумную Екатерину:

— Надо нам, матушка-императрица, новых людей для Отечества создавать. Юношей мы обучаем и воспитываем, а девицы растут в семьях своих как придется. А ведь они — будущие жены и матери, они наше общество делают. Корень всему злу и добру — воспитание.

— Ты, Иван Иванович, разумею я, правду говоришь. Надо малолетних девочек забрать из семей и воспитывать в чести великой, чтобы родительские замашки и пороки их не касались. Только для этого дела нужен серьезный прожект. Вырвать дочерей из семей — дело трудное. Петр Великий хотел такое учинить, да не вышло.

— Матушка-государыня, время тогда другое было. Дикие нравы преодолеть следовало. Теперь же мы — образованные, на нас Европа смотрит. А прожект? Он что? Написан уже прожект. Мыслю я, что воспитанницы наши языкам иноземным должны быть обучены, танцам и музыке, слову легкому, чтоб приятны были в общении. Ведению домашнего хозяйства и правильному воспитанию детей всенепременно, чтоб в замужестве и материнстве не испытывали никаких трудностей. А также физике, математике, истории, географии, астрономии — всему понемногу.

— Как же много ты хочешь им дать, Иван Иванович. Сколько же времени на это понадобится?

— Лет десять уйдет, матушка-государыня, на обучение. Мыслю я ввести три или четыре ступени, каждая по три года, соответственно возрасту воспитанниц. Принимать будем девочек пяти или шести лет. Домой отпускать не станем, заставим родителей подписать бумагу о том, что согласны они на государственную опеку над детьми и обязываются нам не мешать.

— Хорошо, Иван Иванович, подай нам прожект. Почитаем, подумаем.

По велению императрицы все закружилось. И вот уже набирают в Смольный монастырь маленьких девочек. Самые знатные отцы Петербурга не торопятся, предпочитая для дочерей домашнее воспитание. А тот, кто победнее и не слишком знатен, везет маленькую дочь в Петербург, полагая, что таким образом благополучно решит ее участь.

* Глава из нового романа, над которым автор сейчас работает.

Лизоньку Сердецкую тоже привезли в столицу из-под Твери. Там в небольшом поместье живет ее семья: матушка и два брата-сорванца. Батюшка два года назад погиб, сражаясь где-то в Крыму. Зачем он сражался в каком-то Крыму, Лизонька не знала, как и не знала, почему ее батюшке надо было, оставив семью, уехать в дальние края и там погибнуть. Однако его храбрость и геройство отмечены государыней: удовлетворено прошение семейства Сердецких принять малолетнюю дочь на государственное попечение, о чем закреплено краткой записью: «Быть посему».

Собирали Лизу в Петербург всей семьей. Маменька сшила два нарядных платьица, особенно Лизоньке понравилось голубое — похожее на платья, которые носят взрослые девушки. Братя подарили карандаши, о которых она мечтала, и рисунки. Дядюшка, взявший на себя труд доставить счастливую в столицу, усадил девочку перед собой и сказал:

— Понимаешь ли ты, Лизонька, какое важное событие тебя ожидает?

— Да, дядюшка,— ответила смугливая девчушка.

— Ты будешь жить в Петербурге, увидишь государыню и, может быть, она обратит на тебя внимание!

— Да, дядюшка.

— Может быть, ты даже выйдешь замуж за какого-нибудь князя.

— Да, дядюшка.

По привычке не спорить с дядюшкой, которого всегда уносит в область совершенно непонятного для шестилетнего ребенка, Лиза отвечала однообразно. Но, конечно, ей бы хотелось понять, почему маменька согласилась отдать свою дочку в чужие руки, и каков он, этот город Петербург, о котором последнее время так много в семье разговоров. А государыня представлялась ей Василисой Премудрой из сказки, что рассказывала нянюшка.

Не хотела Лизонька уезжать из дома, где ее любили и холили, где можно было убежать на старый двор и играть с деревенскими детьми или отправиться с братьями в далекое путешествие на речку и в лес. Но дядюшка так серьезно смотрел на племянницу, будто она должна сотворить что-то такое, что обязательно повлияет на положение всей семьи. Он бы еще долго рассуждал, если бы маменька его не перебила:

— О чем ты говоришь, братец, шестилетнему ребенку? Я-то надеюсь, что девочка наша станет образованной, не мне чета. Все книги перечитает, все науки изучит.

— Зачем ей науки? Ей они не понадобятся.

— Не знаю, только думаю, что не зря в Петербурге училище для девочек открыли. Матушка наша, государыня, очень умная, много знает, с философами великими переписывается. Мне об этом покойный муж, Алексей Алексеевич, говорил.

На этом разговор прекратился. А спустя неделю, распрощавшись с близкими, поплакав немного на маменькиной груди, отправилась Лизонька с дядюшкой в Петербург.

По прибытии в город дядя поселился на несколько дней у старого приятеля. Дня через два после приезда повезли Лизоньку в Смольный монастырь, высокие стены которого охраняли жизнь местных обитательниц. Каменные и деревянные постройки разбросаны на большом, так показалось Лизе, пространстве. Аккуратно проведенные дорожки и подрезанные кусты свидетельствовали о том, что здесь любят порядок.

— Смотри, Лиза, тут будешь жить долго, пока не вырастешь,— шептал ей дядюшка, когда они проходили к невысокому строгому зданию.

Обзор монастыря не доставил девочке радости. Все чужое, не знаешь, куда идти. Люди вокруг строгие, не улыбающиеся. Вдалеке на лужайке играют девочки, такие же, как она. «Если они живут, то и я смогу, не маленькая ведь»,— смирилась Лиза.

Они прошли в большую залу и стояли в ожидании госпожи начальницы. Та вошла и, строго посмотрев на девочку, сразу спросила:

— Сколько ей лет? На вид вряд ли пять будет.

— Что вы, милостивая государыня! — отвечивал дядюшка, сделавшись каким-то неуверенным рядом со строгой женщиной. — Ей недавно исполнилось шесть лет, и мы получили высокое разрешение привести девочку к вам.

Милостивая государыня поморщилась, словно дядюшкин ответ ей не понравился, и обратилась к девочке:

— Как зовут тебя, милая?

— Лизонька Сердецкая, — добродушно ответила Лиза.

— Лизонька? Елизавета. Приучайте себя отвечать четко и правильно, — начальница повернулась к дядюшке. — Мы возьмем девочку на попечение. Документы я просмотрела, они вполне соответствуют нашим требованиям. Вам должно быть известно, милостивый государь, что воспитанницы наши редко выезжают домой, а сюда родственникам приезжать не следует. Надеюсь, вы полностью согласны и не станете мешать нашему воспитанию, — тон, который избрала в разговоре строгая женщина, не допускал никаких возражений.

— Ну что вы? Мы так рады... — дядюшка хотел сказать еще что-то величественное, однако начальница позвонила в колокольчик и приказала появившейся девушке:

— Дуняша, отведите Елизавету Сердецкую к Марфе Петровне. А с вами, ваше благородие, позвольте проститься.

Лизонька, не успев попрощаться, побрела за Дуняшей. Неуютно ей было, не под домашнему. Даже вещи ее, среди которых замечательное голубое платье, взять не разрешили. Хотелось плакать, но она лишь закусила губу.

Девочку отвели к Марфе Петровне — надзирательнице младшего класса, оказавшейся доброй и веселой женщиной, которая сразу поняла, как тяжело новой воспитаннице. Марфа Петровна попыталась ее успокоить, сразу введя в монастырскую жизнь:

— Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать, — сказала она в небольшой комнате с кроватями. — Вот эта кровать твоя. Посмотри, как она заправлена. Здесь всегда должен быть порядок. Входить сюда можно лишь вечером. Эта комната называется дортуаром.

Восемь других обитательниц дортуара уже поселились. Проведя Лизоньку по помещениям здания, Марфа Петровна вывела ее на улицу к девочкам, сразу принявшим новенькую в игру. Отзывчивая и добрая Лиза быстро подружилась с другими воспитанницами, которые обосновались здесь тоже недавно.

Так началась долгая жизнь Лизоньки Сердецкой в Смольном монастыре. Была она «кофейницей». Так звали малышей, носивших коричневые платья. Затем «голубой» и «серой»: девочки на последующих ступенях обучения носили платья голубого и серого цвета. В кофейном возрасте привыкала к строгой жизни в монастырских стенах. Легко обучалась, проявляя интерес к музыке и танцам. Не любила нудные занятия арифметикой. Осваивала азы светского разговора на французском и немецком языках.

Когда в «голубом» возрасте ее сверстницы стали грубить учительницам, нарушать заведенный порядок, не выполнять уроков, дразнить младших, за что их строго наказывали, Лиза, предпочитая разным шалостям чтение книг по истории и географии, прошла этот возраст почти безболезненно.

Взрослея, увлеклась театральным действием. Терпеливо участвовала в репетициях праздничных представлений, на которые съезжались высочайшие гости царского двора. На одном из праздников Лиза услышала лестный отзыв о себе из уст самой матушки-государыни:

— Какой чудный голос и проникновенный взгляд у этой девушки. Как зовут ее? Из какой семьи?

— Елизавета Сердецкая, ваше величество. Из семьи мелкопоместных дворян Тверской губернии,— ответила сидящая рядом Амалия Карловна, надзирательница «серых».

— Пусть немного подрастет, я возьму ее в свой эрмитажный театр.

— О, ваше величество, вы так добры и неустанно готовы помогать обедневшим дворянским семьям.

— Это мой долг, дорогая,— долг государыни, пекущейся о славе Отечества.

Странно, конечно, что жизнь Лизоньки связана со славой Отечества, однако попасть в императорский театр мечтает любая здешняя воспитанница, по крайней мере, такого состояния, которое было у Сердецких.

«Маменька, друг мой сердешный,— делилась она своими чувствами в письме.— Как передать мне тоску, которую я испытываю вдали от вас? Сколько уж лет не была я в наших, дорогих моему сердцу, местах? Да и вы так редко меня навещаете. Нет, не в укор я вам это пишу. А с огромной горечью от разлуки. Жизнь моя протекает по-прежнему однообразно. Ранние пробуждения не позволяют выспаться. Усталость усиливается от огромного числа занятий — по шесть, иногда по восемь уроков в день. Много времени посвящаю игре на арфе. Амалия Карловна говорит, что я играю ничуть не хуже госпожи Алымовой, которая почитается у нас за лучшую арфистку. Но более всего, дорогая маменька, увлекают меня театральные занятия. Недавно разыгрывали мы сценку встречи пастуха и пастушки. Все говорят, что я была великолепно в костюме пастушка. Свободного времени у меня почти нет. Но все же есть минуточка, чтобы написать о моих теплых чувствах к вам и о стремлении видеть вас в добром здравии, моя милая маменька!».

Такие письма посылала Лизонька домой: чуть радостные, чуть грустные. Конечно, не все она могла написать. Разве напишешь, что обхождение надзирательниц чрезмерно строгое, что питание никуда не годится, и часто воспитанницы остаются голодными, что распространены противные человеческому сердцу подслушивания и доносительства друг на друга? Внешне все выглядело привлекательно и благопристойно, в действительности показная легкость и свобода оборачивались отдаленностью от реального мира.

Особенный раскол в группе воспитанниц произошел на последней ступени обучения, когда их стали называть «белыми». «Белые» ежедневно носили зеленые платья, только на праздники надевая белые бальные. Балы устраивались в самом монастыре, и приходилось старшим воспитанницам танцевать друг с другом, иногда к ним допускали придворных кавалеров. Первые красавицы Смольного получали высочайшее дозволение присутствовать на придворных балах, где они, по сути дела, играли роль милых придворных живых игрушек. Сколько разговоров возникало о балах! Какие страсти кипели! Вся жизнь девушек последней ступени обучения подчинялась помышлениям о придворной жизни.

Среди смолянок было в обычае, чтобы младшие обожали старших. У каждой из «белых» была своя свита обожателей: вздохи и нежные слезы, милый шепот на ушко, записочки с любовными признаниями. Лизе обожание младших не нравилось, оно казалось неестественной игрой. «Ах, милая Лиза, твои серые глаза, покрытые печалью, разбивают мне сердце»,— читала она и сердилась. Какая глупость! Лиза будто чувствовала, что культ обожания развивается среди воспитанниц не зря, готовя их к легкомысленной придворной жизни.

Не каждая из нас, понимала она, окажется при дворе. Те, кто знатнее и богаче, конечно, станут фрейлинами их высочеств. Его высочество князь Павел Петрович не раз бывал в Смольном и внимательно разглядывал девушек старшего класса. Первые красавицы, наверняка, быстро составят себе выгодную партию. Среди них есть смолянки, которые только и ждут выпуска, чтобы сразу выйти замуж. Их родители давно

об этом позаботились. А что делать таким, как Лиза? Возвращаться в Тверскую губернию? Она скучает без родных, она хотела бы побывать дома, а жить там не станет. Не для губернской жизни терпела все эти годы, чтобы дальше терпеть напыщенных, как ее дядюшка, и вечно нуждавшихся в деньгах провинциалов.

Прошло несколько лет с тех памятных слов императрицы. Лиза помнила их и надеялась, что так и произойдет. А потому терпела мелочность и деспотизм надзирательниц, стремившихся неудачи личной жизни выместить на беззащитных воспитанницах, особенно из небогатых семей. Спасением для нее была Марфа Петровна, воспитательница «кофейниц», не желавшая переходить на старший возраст. Впрочем, многие старшие смолянки бегали к ней посекретничать.

Училась Лиза с необыкновенной усидчивостью, чтобы получить по окончании знак высокого отличия — шифр, который представлял собой вензель императрицы, украшенный бриллиантами. Для получения шифра ей следовало занять одно из первых трех мест. Тогда можно надеяться на то, что матушка-государыня не оставит девушку без покровительства.

Марфа Петровна, видя Лизину усидчивость и ее доброжелательное отношение к людям, не раз говаривала:

— Лиза, свет мой, оставайся в Смольном воспитательницей.

— Нет, Марфа Петровна, я вас очень люблю! Вы только не обижайтесь, мне на свободу хочется.

— Какая там свобода, глупая девочка? Была бы ты знатна и богата, тогда устроилась бы. Но, как я знаю, средства в твоей семье небольшие, на братьев уйдут.

— Государыня-матушка обещала взять меня в театр.

— Да забыла она давно об этом обещании! А здесь у тебя есть дом и еда, какая никакая защита.

От чего ей следовало защищаться? И что это за дом, на тюрьму похожий? О еде вообще сказать нечего. Нет, не собиралась Лизонька оставаться в Смольном.

И вот идет экзамен. Накануне девушкам раздали билеты, чтобы те могли хорошо подготовиться и не подводить учителей в присутствии императрицы. Волнение крутит всех. Начальница и надзирательницы сидят прямо, не шевелясь, только глаза их готовы вылезти из орбит при самой малой неудаче экзаменующихся. Учителя — бледные или красные — то и дело кашляют и вытирают потные лица. Царственно и спокойно наблюдает происходящее императрица, делая небольшие записи и обмениваясь замечаниями с графом Бецким и великим князем, который почему-то явился на экзамен.

— Елизавета Алексеевна Сердечкая! — объявил громкий голос. Лиза вышла на середину залы и увидела участливое лицо государыни. Оно было усталым, и светлым. Лиза отвечала уверенно, поскольку отлично знала билет, однако государыня ее остановила, спросив:

— Что разумеется под именем отечества и любви к отечеству?

— Отечество есть то великое общество, которого мы сочлены, то государство, коему мы подданные, по месту рождения или по жительству. Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и законам. Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, употребляли оныя к общей пользе, дабы принимали мы участие ко славе общества, коего мы сочленами,— Лиза наизусть повторяла то, что учила раньше.

— Отменная память,— похвалила государыня,— и держится уверенно, смело. Такие воспитанницы делают честь вашему заведению. Кто твои родители, Лиза?

— Матушка Аграфена Михайловна живет в тверской губернии, в нашем поместье, а батюшка Алексей Алексеевич погиб при сражениях за Крым.

— Бывала я в Крыму,— задумчиво произнесла императрица.— Князь Потемкин показывал нам замечательные места. Продолжайте, Иван Иванович, экзаменовать без меня.

При этих словах государыня встала и пошла в сопровождении начальницы и нескольких членов большой комиссии по зале. Вдруг она приостановилась, внимательно посмотрела на Лизу, и ничего не сказав, продолжила путь.

Шифр Елизавета Сердечкая не получила, хотя по оценкам комиссии отвечала блестяще. Предложения от императрицы тоже не дождалась, видно государыня закружилась в государственных делах и забыла о ней. Так нередко бывает, что наши ожидания не оправдываются. Лиза вернулась домой. Ее встретили постаревшие маменька и дядюшка.

Через полгода повзрослевшие братья отправились на воинскую службу, а Лизу повезли к дальней родственнице в Москву. Там в зимний сезон собирались невесты со всей страны, и редко кто возвращался из Москвы в родительский дом. Родственница оказалась старой и говорливой, с большими связями, позволившими ей приискать Лизоньке жениха — помещика Новгородской губернии. Тот был лет на двадцать старше, вдовый, растил двух девчонок-погодок, мать которых умерла от родов. Так обрела Лиза свою семью и дом.

Поначалу мучилась, долго не могла освоить науку супружества, к которой слишком мало готовили смолянок. Справедливости ради скажем: чему ее учили, все-таки пригодились. Соседи относились к ней с уважением, а муж почитал дамой образованной и женой гордился. Его дочери приняли Лизу как мать и во всем к ней прислушивались. Помнила она, что не хватало ей в детстве заботы и ласки родительской, потому к дочкам проявляла душевную материнскую доброту. Когда же в семье появились сыновья, Николушка и Алешенька, то стала Лиза обучаться искусству воспитания мальчиков.

Так и жила — тихо и спокойно до последнего своего часа, наступившего уже в новом веке. Временами с горечью вспоминала юношеские надежды, которые питала, оканчивая Смольный институт. Не знала она, что императрица хотела взять приглянувшуюся выпускницу во дворец, да слишком большой интерес, проявленный великим князем, остановил ее. Может, и хорошо, что так случилось?

